

Гранитные следы Мнемозины

В Калуге при небольшом стечении народа и скромном официальном представительстве открыли мемориальную доску А.И. Солженицыну

На массивной, старательно отшлифованной плите черного гранита помещены дымчатый выгравированный портрет бородатого мужчины в хемингуэевском свитере и надпись спящим золотом. «Здесь 21 мая 1998 года с лекцией выступил лауреат Нобелевской премии по литературе писатель Александр Исаевич Солженицын», под текстом лихая виньетка, предположительно воспроизведенная подпись героя.

Лекция нобелевского лауреата состоялась во время его грандиозного шествия по российским просторам от Владивостока до Москвы, которым было ознаменовано Возвращение из эмиграции, или, используя его собственную терминологию, Изгнания.

Выступал он едва ли не во всех городах по своему пути, но памятный знак водрузили именно в Калуге. И это не случайно. Калуга, по данным загадочной организации именем Институтом культурного наследия России, вышла на первое в Отечестве место по количеству мемориальных досок на душу населения.

Доску эту замыслили давно. Вскоре после окончания лекции, а скорее всего, раньше. Из очевидцев, которых удалось опросить, никто не смог вспомнить, о чем, собственно, говорил писатель. Оперативно сделать запись на скрижалих не удалось по грубым финансовым причинам. Как их устранили – не вполне ясно, но доска, повторим, представляет собой зрелище эффектное. Не исключено, что областная библиотека имени В.Г. Белинского, которая и украсилась новой мемориальной доской, обошлась своими средствами.

Можно с уверенностью сказать, что в них нет недостатка. Библиотека блестяще приспособилась к нелегким рыночным условиям. Там были разработаны и успешно осуществляются изощренные методы зарабатывания денег. Объявление при входе сообщает, например, о расценках на следующие полезнейшие услуги: «Просмотр журналов «Бурда», «Верона», «Сандра», «Бутик» – 2 рубля за один номер. Выдача выкроек на дом – с 20.00 до утра – 4 рубля, на выходной день – 6 рублей». В гардеробе библиотеки не только хранят читательские макароны, но и продают пирожки с капустой также по сходной цене.

Это все не простые бытовые подробности, это важный идеологический контекст. Выкройка на ночь за 4 рубля и пышущая респектабельностью мемориальная доска стоят друг друга. Нельзя не вспомнить версию А.И. Солженицына о «целебном, спасительном, умеренном патриотизме», который «придается – строить совсем на чистом месте и на новых основаниях».

1) из провинции; 2) исходя, как из неизбежной данности, что наш народный характер расплывчат, ненастойчив, плохо сознает ответственность и плохо поддается самоорганизации». Насчет провинции Солженицын, безусловно, прав, а вот насчет самоорганизации, пожалуй, нет. Мемориальная доска на калужской библиотеке и тому, и другому порукой.

Алексей ЮРЬЕВ

ресно, повторяя все эти стереотипы бездуховности: ничего нового, свежего. Вопрос «зачем нужно двести моделей кроссовок, когда достаточно одной?» не имеет ответа, потому что он не имеет права на существование. Сила культуры – в многообразии. Я же не спрашиваю Солженицына, зачем ему сорок одна симфония Моцарта, когда можно целую жизнь наслаждаться любой из них, отвергнув остальные как излишество.

Соломон ВОЛКОВ: Что критиковал Солженицын в Америке? Моральную основу, на которой зиждется сама страна и ее культура. Делал то, чем занимаются все местные проповедники на множестве религиозных телеканалов. Они говорят, а общество идет себе вперед. Жить в обществе, которое хотят бы установить Солженицын, я бы не согласился. Однако он заставляет сесть и задуматься над эксцессами современной культуры, в чем и заключается его полезность в качестве проповедника.

Почему Солженицын не принял то, что происходит в России?

Рой МЕДВЕДЕВ: Он страшно боялся, что в России повторится Февральская революция и к власти придут либералы, которых он ненавидит. То, что произошло с Россией, вызывает в нем протест, глубоко оскорбляет и обижает его: Со-

испытание словом он, конечно, не выдержал. Он возомнил себя не только героем, но и некой колосальной силой. Где-то в его произведениях написано, что великие писатели – это второе правительство. Это не метафора: мне кажется, он действительно в это верил.

Соломон ВОЛКОВ: Были случаи, когда великие русские писатели становились не вторым, а первым правительством, крупнейшими государственными чиновниками. Державин был министром у Екатерины II, Салтыков-Шедрин – вице-губернатором тверским при Александре II. Помним ли мы, чего они добились, как государственные деятели? Нет, полный провал.

Другое дело, когда писатель становится для власти моральным авторитетом – если угодно, серым кардиналом. Карамзин, Жуковский в роли воспитателя наследника престола... в случае с Солженицыным мы видим, что его предложения о земствах воплощаются в первых рабочих шагах по формированию реального местного самоуправления. Несколько на это повлиял именно Солженицын, мы пока не знаем. Может быть, потом, когда-нибудь, из мемуаров...

Дон ТОМАС: Он, как Толстой в последние годы жизни, перестал быть художником, творцом и стал учителем. Это нелепо, но люди не должны обращать на это внимание. К сожале-

нию. Как и его стихи, и его публицистика.

Майкл СКЕМЕЛ: У него, если можно так сказать, очень политический мозг. Это проявляется во всем, что он пишет. Кроме того, он работает в старорусской полемической традиции: Солженицын дидактичен даже в мемуарах.

Жорес МЕДВЕДЕВ: Все-таки писателя оценивают по его произведениям. И в этом отношении он не так сильно выделяется среди многих писателей, которых мы знаем. А некоторые книги Солженицына располагаются на более низком уровне. Он думает, что изменил русский язык – но лично я многие его слова не воспринимаю, они не входят в живой оборот. Впрочем, самооценка и оценка современников чаще всего разнятся; посмотрим, что будет через пятьдесят лет.

Рой МЕДВЕДЕВ: Он обижен на Россию, на русский народ, на печать, потому что не принял ее систему ценностей. Он выпустил «Красное колесо» в сокращенном варианте, вместо десяти томов – четыре. Но книгу не покупают, не читают. Солженицын совершенно по-другому представлял себе Россию и ее народ. Он не самокритичен, и это его недостаток. Впрочем, пророков всегда заносит.

Виктор ЕРОФЕЕВ: Не читают? Значит, это беда России, а не Солженицына. Он социальный писа-

тели, идиоты, – ваших отцов, детей, дядек, неужели вы этого не понимаете? Те, кто не слышат Солженицына, не слышат вашу боль, именно вашу.

Почему Солженицын рвал практически со всеми людьми, которых когда-то были его друзьями и помощниками?

Владимир БУКОВСКИЙ: Когда меня обменяли на Корвалана, я поехал к Солженицыну в его вермонтскую усадьбу. Жил там дни, наверное, три. Он себя вел со мной исключительно покладисто. Например, ужасно стеснялся ругаться в моем присутствии. Прошло где-то две суток, прежде чем он сообразил, что ругательства меня совершенно не оскорбляют – до того кто-то сказал ему, что Буковский мат не переносит, – и стал выражаться на красивом русском языке.

Мария РОЗАНОВА: Он просто безбожник. Христианского в нем – ноль целых хрен десятых. Христианская мораль ему совершенно недоступна – в частности, отношение к близкому. Использовал – выбросил. «Если ты мне не служишь, то зачем ты мне нужен?» – вот его подход к человечеству.

Дон ТОМАС: После выхода «Ивана Денисовича» Твардовский сказал ему: «Пойдем, выпьешь вместе со всеми». Он сказал: «Нет. Я не пойду. Я должен писать». С некоторым высокомерием он показал, что у него слишком много дел. Он был жестоким и самовлюбленным – короче, он не был добрым человеком. Но мы должны быть благодарны ему за все, что он дал миру. Для того, чтобы на свет появился «Архипелаг», нужен был сверхчеловек. Поэтому мы, христиане, должны простить его за ту боль, которую он причинил людям.

Соломон ВОЛКОВ: Представьте себе того же Пушкина, дожившего до 85 лет, точнее, то количество женщин с разрушенными биографиями и незаслуженно обиженных друзей, которое он бы оставил. Могу себе образить, что бы говорили об Александре Сергеевиче в кулуарах его юбилея сверстники-лиценты! Солженицына не убили на дуэли до сорока, он дожил до преклонного возраста – и слава Богу, и наше счастье. Он прошел длинную жизнь, на которой совершенно неизбежно остаются недовольные и критики. Справедлива ли эта критика? Во многих случаях – да.

Но любой писатель пишет про себя сам. Например, Бродский запретил своим друзьям писать его биографию, даже посмертную – как бы желая из могилы диктовать условия, на которых будет создано (или не создано) его жизнеописание.

Майкл СКЕМЕЛ: Для биографа самое интересное – сравнить разные версии жизни писателя и в конце концов стать для него кем-то вроде судьи. И это писателю Солженицыну – как и любому другому – очень неприятно. Солженицын хочет оставаться единоличным, гордым владельцем своего мира. Он действительно великий писатель, а для многих еще и святой, и даже Бог. А кто может спорить с Богом, навязывать ему свои советы и оценки – неужели какой-то биограф? Наверное, поэтому он прекратил общение со мной.

Юлий КРЕЛИН: Очень трудно иметь дело с творческим человеком. Он человек идеи, а человек идеи опасен всегда.

Петр ВАЙЛЬ: Солженицын действительно занимает нишу пророка – ту, которую он за собой определил и за ним ее признали. Нащупал во многих поисках стиль архива и дошел до полного предела. Как в том стихотворении: «Он в бороду толстовскую одет и в сталинский полузащищенный китель». Диковатое сочетание, в котором он, однако, замер. И на фиг никому сейчас не нужен, вот в чем ужас. А с другой стороны, без него XX век России совершенно невозможно представить.

Борис ПАРАМОНОВ: Нельзя брать установку на критику Солженицына как на путь для прочищения мозгов человечества. Он явление глубоко культурное, попавшее в адовый застой, в ситуацию убийства культуры.

Петр ВАЙЛЬ: Соколов снял фильм о Солженицыне, где они прогуливаются по какому-то лесочку в Подмосковье. И Солженицын рассказывает ему про свою жизнь в Америке: «Вы знаете, там ведь птицы не поют, певчих птиц нет». Я прожил в Нью-Йорке семнадцать лет и знаю, что там люди просыпаются, оглушенные птичьими руладами – а он жил в Вермонте, в самом лесу. И не врет – трудно же подозревать его во вранье. Он действительно не слышал пения птиц, потому что решил для себя: не должны в Америке петь птицы. И эту фразу можно поставить эпиграфом ко всему мировоззрению Солженицына. Он не хочет слышать то, что он решает не слышать.

Солженицын вернулся в страну, полную надежд. И на него тоже

нужно, им приходится только вспоминать о том, кем он был раньше.

Петр ВАЙЛЬ: Понимаете, правда у каждого своя. И даже если это не так, то каждый в этом убежден. Отсюда реакция: «Кто он такой, чтобы мною командовать? Я сам к этой правде подойду». Учителей если даже и слушаются, то не любят.

Почему Солженицына в России не читают? Или же его не читают в той же мере, в какой не читают Толстого или Достоевского?

Мария РОЗАНОВА: Когда в «Новом мире» получили рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», они дали ее почитать Синявскому. Читаем мы рукопись, передаем страницы друг другу – и идет разговор: вот какой-то там учитель из какой-то там Рязани вдруг написал такое – представляете, что он напишет дальше? А я, злобная тварь, почитав это дело, сказала: «Один день...» – замечательная вещь, потрясающе написанная. Однако автор попадает в очень сложное положение, потому что его творческий путь начинается с вершины. И все, что он напишет потом, будет хуже.

Так и вышло. Его эксперименты с русским языком совершенно чудовищны, они показывают его полную

тель, который ставит перед страной определенное количество вопросов – удачно ли, неудачно, но ставит. И предлагает на них ответить обществу. А в России нет общества, есть исключительный антимуравейник. Поэтому и Солженицын ей не нужен – как и вся литература, которая как-то связана с общественностью.

Петр ВАЙЛЬ: Солженицын действительно занимает нишу пророка – ту, которую он за собой определил и за ним ее признали. Нащупал во многих поисках стиль архива и дошел до полного предела. Как в том стихотворении: «Он в бороду толстовскую одет и в сталинский полузащищенный китель». Диковатое сочетание, в котором он, однако, замер. И на фиг никому сейчас не нужен, вот в чем ужас. А с другой стороны, без него XX век России совершенно невозможно представить.

Борис ПАРАМОНОВ: Нельзя брать установку на критику Солженицына как на путь для прочищения мозгов человечества. Он явление глубоко культурное, попавшее в адовый застой, в ситуацию убийства культуры.

Петр ВАЙЛЬ: Ребята, вы думаете, что выиграли от того, что не слышите голос Солженицына? Вы от этого проиграли. Его голос – это ваш голос. Голос тех, кого

убили, идиоты, – ваших отцов, детей, дядек, неужели вы этого не понимаете? Те, кто не слышат Солженицына, не слышат вашу боль, именно вашу.

Архив: МН

